

Поджав губы, Бай Шу обвёл присутствующих взглядом. Обычно, когда он так делал, в его круглых глазах таилась смешинка, и как бы серьёзен он ни был, мягкие округлые щёки всё равно придавали ему сходство с чистым, невинным белым кроликом.

Но сейчас его лицо окаменело, а во взгляде широко раскрытых глаз не отражалось ни единой эмоции. Холодная сталь обнажённого клинка в руке лишь подчёркивала эту пугающую отстранённость.

Бай Шу привык перемахивать через стену, чтобы повидаться с Хан Сиэнем, и никак не ожидал приземлиться прямо перед честной компанией. От этого его и без того мрачное настроение окончательно испортилось.

Присутствующие тоже опешили от столь эффектного появления.

Цзи Ло окинул юношу хмурым взглядом. При нынешних обстоятельствах в окрестностях Лючжоу Бай Шу едва ли отправился бы на охоту. Кровь на его одеждах явно принадлежала человеку, оставалось лишь гадать — кому именно.

Чжоу Маань, заметив обнажённый меч и багровые пятна на подоле халата, насторожился. Сведя брови к переносице, он повернулся к Хан Сиэню:

— А это кто такой?

Хан Сиэнь проигнорировал вопрос чиновника. Его взгляд был прикован к Бай Шу.

— Что стряслось? — спросил он неожиданно мягким для себя тоном.

Наследник прекрасно понимал, откуда вернулся юноша, поэтому и заговорил с ним непривычно мягко.

Бай Шу не был глупцом. Несмотря на свои чудачества, людей и суть вещей он понимал отлично. Благодаря влиянию старшего брата, генерала Бай Вэньханя, он чётко разграничивал добро и зло. Просто Бай Вэньхань без памяти любил младшего брата и во всём ему потакал, отчего тот привык жить свободнее и безопаснее большинства людей.

Понимая, что его застали в таком виде, Бай Шу сообразил: если не прояснить всё прямо сейчас, при чиновниках Лючжоу, в будущем недоброжелатели обязательно используют этот случай, чтобы раздуть скандал и навредить его брату. Поэтому на вопрос Хан Сиэня он ответил без промедления:

— На днях я заприметил в городе раненых беженцев. А потом услышал, как патрульные из резиденции главнокомандующего Лянцзяна обсуждали гору Великого Князя в уезде Вэньань. Оказывается, там уже много лет хозяйничает банда разбойников. Грабят, убивают, творят бесчинства, а управа всё никак не может их извести. Нынче из-за потопа жрать им стало нечего, вот они и повадились нападать на окрестные деревни. Сегодня мне делать было нечего, дай, думаю, прогуляюсь до той горы. Наткнулся на них, когда они как раз спускались к подножию, ну и пустил всех под нож.

Юноша говорил об этом так непринуждённо, словно рассказывал о погоде. На вечно невозмутимом лице Чжоу Мааня на мгновение отразилось замешательство, сменившееся едва скрываемым торжеством. Смерив Бай Шу взглядом, он чинно произнёс:

— Не знаю, кто ты таков, но вижу, что ты из простых мирян. Впрочем, раз уж ты служишь Его Превосходительству уполномоченному, я прощу тебе твою дерзость. Что же до разбойников с горы Великого Князя — я уже давно направил Его Величеству доклад об этой беде. Тамошние кручи неприступны, а сама гора лежит на единственном пути из Вэньаня в Лючжоу. Из-за этих душегубов я давно лишился сна. Я даже запрашивал войска у главнокомандующего Лянцзяна, но и они не смогли одолеть эту напасть. Если ты и впрямь покончил с бандой, я непременно доложу императору, дабы он вознаградил тебя по достоинству.

Услышав это, Бай Шу ухмыльнулся:

— Главари у них был одноглазым. Разобравшись с шайкой, я приволок его тело прямо в резиденцию главнокомандующего Лянцзяна и оставил им координаты логова. Мою «ношу» видела половина города. Люди сразу признали в мертвеце Одноглазого Дракона — известного разбойника, у них он вроде как за второго человека шёл. Когда я возвращался, солдаты как раз спешно выдвигались к горе. Думаю, сейчас они уже опознали тела. В общем, банда мертва, и спорить за эту славу с вами, чинушами, я не собираюсь. Но почему у тебя такой недовольный вид?

Чжоу Маань оцепенел. Губы его беззвучно задрожали, и он не нашёлся что ответить.

Наблюдавший за этой сценой Хан Сиэнь не сдержался и тихо рассмеялся. Чжоу Маань так красиво пел о награде, хотя в душе готов был сожрать Бай Шу заживо. Уезд Вэньань лежал не так уж далеко от Лючжоу, и хотя те места действительно были дикими и неприступными, при желании выбить оттуда разбойников не составило бы труда.

Все эти годы местные чиновники во главе с Чжоу Маанем если и не якшались с бандитами напрямую — не промышляли разбоем по ночам, сбросив парадные халаты, — то совершенно осознанно допускали их существование. На ежегодные карательные походы казна исправно выделяла средства, но чиновников интересовали не эти копейки. Их главным доходом были щедрые подношения от запуганных купцов за «особое покровительство». Эти взятки приносили в карманы местной знати куда больше золота, чем любые дотации из столицы.

Теперь же Бай Шу одним махом перекрыл этот полноводный денежный поток. Стоило

столичным ревизорам взяться за расследование поглубже, и от махинаций властей не осталось бы камня на камне. Чжоу Маань запаниковал. Рассыпаясь в любезностях на словах, в мыслях он уже строил жестокие планы. Например, объявить убитых разбойников мирными жителями, а затем спешно доложить императору, что Хан Сиэнь потворствует своим слугам, которые вырезают невинных людей ради фальшивых наград.

Поняв это, Хан Сиэнь взглянул на Бай Шу с теплотой, в его глазах блеснула редкая улыбка. Он лениво протянул:

— Господин Чжоу вовсе не серчает на тебя. Видишь, как он рад? Должно быть, от переполняющих его чувств и слова вымолвить не может. Твою заслугу господин Чжоу непременно запомнит и будет благодарен до конца дней своих. Да и Его Величество, узнав, что разбойников, с которыми годами безуспешно боролась местная управа, ты перебил в одиночку, наверняка осыплет тебя милостями. Даже если ты уступишь славу другим, твоя доля награды никуда не денется. К счастью, этот Одноглазый Дракон был слишком приметной птицей, и горожане сразу его признали. Иначе какой-нибудь подлец мог бы оклеветать тебя, обвинив в убийстве невинных, и тогда тебе вовек не отмыться бы от позора.

От этих слов уши Чжоу Мааня вспыхнули багровым пламенем. Он прекрасно понял, что Хан Сиэнь только что ткнул его носом в собственное ничтожество.

Прикрыв потемневший от ярости взгляд, генерал-губернатор за долю секунды перебрал в уме десяток выходов из положения. Однако лицо его осталось маской вежливого почтения. Он послушно признал упущения прошлых лет, после чего сослался на то, что сегодня забрать казенное серебро для голодающих не удастся — мол, требуются приготовления, — и поспешно откланялся.

Хан Сиэнь проводил уходящую процессию насмешливым взглядом и повёл бровью. Взмахом руки отослав слуг, он вместе с Бай Шу, Цзи Ло и Цзи Юэ направился в малую гостиную.

Происходящее забавляло Наследника. Появление Бай Шу и его собственные ядовитые намёки переполнили чашу терпения Чжоу Мааня — того едва не трясло от жажды убийства.

И всё же, если замысел генерал-губернатора увенчается успехом, это действительно сулило им немало бед. Оправдаться перед императором в столице будет крайне непросто.

С самого начала Чжоу Маань настороженно следил за тем, как безжалостно Наследник разоряет усадьбы местных чиновников. И пусть устранённые мелкие сошки не имели веса в верхах, губернатор почуял смертельную угрозу для самого себя.

Чжоу Маань умел действовать жёстко. Желание избавиться от наглого столичного гостя крепло в нём давно, но годы чиновничьей службы приучили его к крайней осторожности. Все эти дни он тайно стягивал силы и ждал вестей из столицы, которые развязали бы ему руки.

Однако сегодняшняя выходка Бай Шу, приволокшего труп разбойничьего вожака, вкупе с колкостями Хан Сиэня, напрочь лишила губернатора остатков терпения.

Чжоу Маань не знал, чего ожидать от непредсказуемого уполномоченного. Он до смерти боялся, что Хан Сиэнь под предлогом расследования разбойничьего дела запустит лапу в его собственные тёмные дела. В отчаянии он решился на безумный шаг — уничтожить их всех прямо здесь, в Лючжоу. И в первую очередь — избавиться от Хан Сиэня.

Конечно, гибель принца Цзи Ло и Наследника уездного князя Юна Цзи Юэ всколышет всю страну и вызовет ярость императора. Благо в глазах местных они числились праздными бездельниками, не лезшими в государственные дела, и не привлекали лишнего внимания.

Резиденцию, где они обосновались, сосватал им сам Чжоу Маань. Хотя усадьба была просторной, разместить всё их сопровождение она не могла. Внутри дежурила лишь горстка гвардейцев, охранявших сундуки с казенным серебром, тогда как основной военный эскорт расположился лагерем на окраине города.

Вдобавок этот особняк изобилует потайными ходами и ловушками. Чжоу Маань планировал натравить на них подставных разбойников. По его замыслу, налётчики должны были вырезать уцелевших чиновников, чьи дома Наследник успел опечатать, перебить охрану усадьбы и похитить часть серебра. Всю бойню списали бы на месть бандитов, оставив парочку «выживших свидетелей» для пущей убедительности.

Мёртвые не заговорят. Пока весть долетит до столицы, пока разгневанный император пришлёт новых следователей, Чжоу Маань успеет замести все следы.

Даже если государь решит покарать виновных в недосмотре местных властей, связи в столице помогут генерал-губернатору смягчить удар. Худшее, что его ждёт — почётная отставка, но награбленное богатство останется при нём, а голова — на плечах.

При более благоприятном исходе его просто переведут в другую провинцию, откуда он со временем вернётся в столицу. Любой из этих вариантов казался стократ лучше медленной смерти от удушающей хватки Хан Сиэня.

В крайнем случае, даже если сам уполномоченный уцелеет, смерть подследственных чиновников спутает все карты. Достаточно заставить парочку из них перед смертью заявить, будто Хан Сиэнь оклеветал их и сфабриковал улики ради наживы. Тогда у императора неизбежно закрадутся сомнения в честности своего любимчика.

Воссоздав в уме хитроумные схемы Чжоу Мааня, Хан Сиэнь усмехнулся. В какие бы времена ни жили люди, человеческая подлость всегда ухитрялась превзойти самые мрачные ожидания.

К несчастью для заговорщиков, Наследник обладал редким даром — он умел читать чужие мысли. Поистине бесценная способность. Любая гнилая мыслишка, едва зародившись в чужой

голове, сразу становилась ему известна.

Ему не нужно было верить людям — достаточно было просто знать их истинные намерения. Обладая этим знанием, он оберегал себя от предательства и нового плена. Он мог крутить чужими судьбами как ему вздумается, подбирать нужные слова и жить в своё удовольствие, не оглядываясь ни на кого.

Бай Шу, заметив эту холодную, застывшую полуулыбку на лице Хан Сиэня, забавно надул щёки. Сделав шаг вперёд, он нарушил молчание:

— Этот ваш генерал-губернатор Чжоу — скользкая тварь. У него во взгляде перед уходом такая ярость полыхнула... Не ровен час, пойдёт напролом, как загнанный в угол пёс.

Цзи Ло с мрачным видом тоже подошёл ближе.

— Я согласен с Бай Шу, — веско произнёс он. — Чжоу Маань сидит в Лючжоу слишком давно. У него здесь и золото, и преданные люди. Лучше побережься. Бережёного бог бережёт.

В глубине души принц не одобрял привычку Хан Сиэня сыпать ядом в лицо губернатору. Чжоу Маань наверняка до зубовного скрежета ненавидел острый язык Наследника. По мнению Цзи Ло, такие колкости дарили лишь мимолётное удовольствие, но плодили слишком много опасных врагов — не самый разумный подход.

Но, взглянув на безмятежное лицо собеседника, он лишь мысленно вздохнул. Хан Сиэнь и в прошлой жизни отличался этой бесшабашной отчаянностью, словно сознательно искал смерти, а в этом земном воплощении его безрассудство лишь расцвело буйным цветом. К тому же Наследник не был связан долгом. Цзи Ло же метил на императорский престол — высочайший трон Поднебесной, — а потому обязан был лавировать между придворными группировками, взвешивать каждое слово и сдерживать порывы. По правде говоря, он порой даже завидовал этой дикой свободе Хан Сиэня.

Но увы, его собственные амбиции и груз ответственности не позволяли ему роскоши быть собой.

— Раз так, — лениво отозвался Хан Сиэнь, — пошлём за главнокомандующим Лянцзяна Цзян Шуйшэном. Они с генерал-губернатором не ладят. Хотя Цзян Шуйшэн и не лезет в гражданские дела провинции, из-за прорыва дамбы и бесчисленных жертв император вполне может лишить его головы. Он это прекрасно понимает, потому и позволил Чжоу Мааню втянуть себя в интриги. Ему позарез нужны воинские заслуги, чтобы оправдаться перед престолом. И мы предоставим ему этот шанс, призвав его армию для нашей охраны.

— Ты уверен, что он не побежит докладывать Чжоу Мааню? — прищурился Цзи Ло.

Хан Сизнь задумчиво потёр кончики пальцев.

— Не уверен. Но попытаться стоит, иначе, если генерал-губернатор решится на безумство, мы все ляжем в этой земле.

Сам-то Наследник смерти не боялся, но тащить за собой в могилу непричастных не желал.

Лицо Цзи Ло посуровело, а Бай Шу уверенно похлопал себя по груди:

— Не бойсь, я парень крепкий, если что — прикрою.

Стоявший поодаль Цзи Юэ недоумённо захлопал глазами:

— Полно вам, не сгущайте красок. Мы в Лючжоу уже вторую неделю, и всё тихо-мирно. Пусть Наследник Хань порой и колет словом, он всё же императорский посланник с чрезвычайными полномочиями. Даже если господин Чжоу затаил обиду, он не посмеет пойти на государственное преступление. Не слишком ли вы мнительны? По мне, так вам за каждым кустом враги мерещатся.

В ответ на это заявление три пары глаз уставились на него с немым укором. Цзи Юэ смущённо кашлянул:

— Я... сморозил глупость?

Цзи Ло лишь вздохнул и покачал головой. Винить юношу не стоило: будучи Наследником уездного князя Юна, Цзи Юэ всю жизнь купался в роскоши и не знал забот, оставаясь беззаботным столичным щёголем.

Поместье князя Юна не располагало реальной военной силой или политическим весом. Своим нынешним положением они были обязаны лишь былому снисхождению императора к старому князю.

К тому же молодой Наследник ещё не успел окунуться в омут придворных интриг и примерить на себя бремя ответственности за судьбу своей семьи.

Честно говоря, не обладая сам Цзи Ло памятью о прошлой жизни, он тоже вряд ли заподозрил бы неладное в действиях Чжоу Мааня — репутация у того в чиновничьих кругах была отменной.

Что же до интуиции Бай Шу, то за время совместного пути принц заметил одну его особенность. Во время охоты юноша поразительно тонко чувствовал повадки и страх зверя. Часто дичь ещё скрывалась в густых зарослях, а его стрела уже летела точно в цель. Очевидно,

дикое чутьё помогало ему так же безошибочно распознавать опасность, исходящую от людей.

Какие бы коварные замыслы ни лелеял в своей душе генерал-губернатор, его истинные намерения нет-нет да и прорывались наружу мимолётными жестами или взглядами. Бай Шу уловил эту неосязаемую жажду крови — редкий дар, присущий лишь истинным мастерам боевых искусств.

Прозорливости же Хан Сизня принц и вовсе не удивлялся. В его глазах Наследник Хань всегда оставался непредсказуемым безумцем — как в прошлой жизни, так и в нынешней.

Приняв решение, Цзи Ло подвёл черту:

— Что ж, решено. Отправим надёжного человека и тайно призовём главнокомандующего Лянцзяна Цзян Шуйшэна. Осторожность нам не повредит.

Пока в малой гостиной плелись ответные интриги, Чжоу Маань уже вернулся в собственную усадьбу. Не говоря ни слова домочадцам, он заперся в кабинете.

За долгие годы службы у него выработалась незыблемая привычка: всякий раз, когда приходилось принимать судьбоносные решения, он искал уединения, чтобы унять волнение и очистить разум.

В резиденции генерал-губернатора все прекрасно знали эту особенность хозяина. Если он уходил в кабинет сразу с порога, никто из слуг или домочадцев, включая законную супругу, не осмеливался тревожить его покой.

Но сегодня заведённый порядок был нарушен. Сидя в полумраке с закрытыми глазами, Чжоу Маань лихорадочно обдумывал созревший план. Стоило безумной мысли пустить корни в его сознании, как избавиться от неё стало невозможно. Он тщательно взвешивал слабые места задумки и искал способы подстраховаться на случай неудачи.

Из размышлений его вывел тихий, условный стук в дверь — так давал о себе знать верный управляющий Лю.

Чжоу Маань резко открыл глаза, взгляд его сделался острым и цепким.

— Войди, — бросил он.

Дверь тихо скрипнула, и в кабинет проскользнул управляющий Лю. Бережно извлекая из-за пазухи запечатанный конверт, он склонил голову и протянул его обеими руками:

— Хозяин, вести из столицы.

— Неси сюда, — Чжоу Маань мгновенно подался вперёд, в его голосе прозвучало нетерпение.

Управляющий Лю поспешно приблизился к столу, передал послание и бесшумно растворился за дверью.

Сломав сургучную печать, генерал-губернатор развернул письмо. Стоило ему пробежать глазами первые строчки, как брови его изумлённо взлетели вверх, а напряжение, сковывавшее плечи последние часы, бесследно растаяло.

— Так-так... — глухо рассмеялся он. — Оказывается, этот щенок Хан Сиэнь — всего лишь отрезанный ломоть, от которого отвернулась вся его благородная родня! Оно и понятно: кто в здравом уме станет терпеть родственника, готового пустить под топор собственного дядю? Когда весть об аресте Хан Пина достигнет столицы, герцогский дом Хань и вовсе пальцем не пошевелит ради его спасения. Сейчас этот выскочка держится лишь на мимолётной государевой милости, оттого и беснуется, пытаясь выслужиться. Боится потерять расположение Его Величества и остаться ни с чем.

Чжоу Маань ещё раз, смакуя детали, перечитал оставшиеся строки и бережно сложил письмо.

Первые весточки из столицы прилетели к нему ещё тогда, когда государь только назначил Хан Сиэня чрезвычайным посланником в сопровождении Третьего принца и Наследника уездного князя Юна.

Но в те дни разгневанный трагедией в Цзяннани император метал громы и молнии, поэтому столичные покровители прислали лишь смутные предостережения. Сообщили только, что новый уполномоченный — безжалостный безумец, не ведающий пощады, который уже успел разорить поместье министра чинов Ли и снискать временное благоволение государя. Ему советовали затаиться и не лезть на рожон.

Но когда этот наглец, едва ступив на южную землю, без суда и следствия опечатав усадьбу первого же попавшегося под руку чиновника, Чжоу Маань понял, что правила игры изменились. Он немедленно отправил в столицу гонцов с приказом разузнать подноготную Хан Сиэня и сопровождавших его знатных особ.

Связываться с влиятельным герцогским кланом Хань без веских причин не хотелось даже ему, а потому следовало точно оценить риски.

Полученные сегодня вести превзошли все его ожидания. Хан Сиэнь остался без поддержки семьи, а его бесчинства с конфискацией имущества всколыхнули волну возмущения среди столичного чиновничества. Стол правителя завалили жалобами с требованиями урезонить зарвавшегося уполномоченного, и доносчики шептались, что в императорском кабинете уже не раз раздавался гневный голос государя, распекавшего Хан Сиэня за излишнее рвение.

«Коль так, — торжествующе подумал генерал-губернатор, — расправа над этим выскочкой сойдёт мне с рук куда легче, а любые столичные проверки увязнут в бюрократической трясине».

Довольный сделанными выводами, Чжоу Маань победно прихлопнул ладонью по столу и разразился хриплым смехом:

— Ну что, Хан Сизнь, на сей раз сама судьба благоволит мне! Поглядим, как запоёшь ты, когда лишишься своей спеси!

<http://bllate.org/book/20088/2002014>